

УДК 94(470)+398:17.024
ББК ТЗ(2)-3+Ч756.2

ГОРОДСКАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА ИЗ ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИИ ЭМОЦИЙ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.В. Раева

В статье предпринята попытка «изнутри», используя мемуары участника, взглянуть на эмоциональное пространство праздника в провинциальном городе эпохи модерна. Сделан вывод о большей значимости «личных» празднеств и стремлении дистанцироваться от общественных мероприятий. Выявлены особенности эмоциональных репрезентаций и их культурная обусловленность средой модерна.

Ключевые слова: история эмоций, эпоха модерна, городская праздничная культура.

Модернизационные процессы в России второй половины XIX – начала XX века существенно изменили провинциальный мир Челябинска: из «неуклюжего грязного села» он превратился «Зауральский Чикаго». Благодаря железнодорожному строительству, город преодолел изолированность, стал крупным торговым и промышленным центром, его население выросло более чем в десять раз, изменилась городская композиционная структура, появились современные здания и инфраструктурные объекты. В этой новой городской среде складывалось разнородное локальное сообщество, черты которого определялись переходным характером периода, высоким темпом изменений, трансформацией традиционной системы ценностей, особым эмоциональным состоянием «нервической» эпохи модерна [5, с. 227].

Эмоциональное измерение процесса модернизации конца XIX – начала XX века, как представляется, адекватно сущности этой «эпохи настроений» [2, с. 204], оно открывает новые возможности для изучения социокультурных изменений и их переживания «людьми модерна» (при этом в качестве базового положения следует признать взаимозависимость, взаимообоснованность чувств и культурных процессов), позволяет углубить представление о жизненном мире человека, его поведенческих стратегиях, причинах (мотивах) его действий как исторического актора.

В данной статье я попытаюсь «изнутри», используя мемуары участника, взглянуть на эмоциональное пространство праздника в провинциальном городе эпохи модерна. При этом в понятие праздника включается не только время, которое официально маркировалось как праздник, а все свободное от работы, «праздное» время, что коррелирует восприятию празд-

ника современниками [4, с. 17, 32, 79]. Такой подход позволит рассмотреть формализованные проявления праздничной культуры, предполагавшие значимую, довольно жестко ритуализированную составляющую и воспроизведение инсценированных эмоций субъектами празднования, и неформальные, характеризующиеся большей свободой, интенсивностью, непосредственностью эмоциональных репрезентаций.

Провинциальные обыватели Челябинска, на чьих глазах разворачивались масштабные изменения *modernity*, нечасто оставляли личные свидетельства, фиксирующие их переживания. Оттого значение имеющихся источников личного происхождения возрастает, а возможность через новую оптику «истории эмоций» взглянуть на уже известные тексты приобретает особенную ценность для исследователя. Основным источником для этой статьи послужили воспоминания Константина Николаевича Теплоухова, рассказывающие о жизни его семьи в Челябинске с 1899 г. до 1924 г. Написаны они были в 1930-е годы на основе переработанных автором собственных дневников, записок, иных мемуарных материалов. Вероятно, советский опыт критически настроенного в отношении большевистской власти К.Н. Теплоухова способствовал фильтрации и переоценке дореволюционных событий, но вряд ли он привел к радикальному перетолковыванию условно «первичных» следов эмоций. Такое допущение кажется возможным в силу представления о диспозиции героя, как склонности думать или действовать известным образом при определенных обстоятельствах, набора предпочтений и интеллектуальных привычек и связанных с ними чувств и эмоций [3, с. 81], которая не подвергается существенной деформации при смене исторического контекста.

Устойчивым мировоззренческим ориентиром К.Н. Теплоухова, оказавшим влияние на формирование его диспозиции, являлось своеобразное масштабирование событий, при котором более значимыми признавались личные и семейные сюжеты, а городские и государственные события выступали лишь фоном, который не вносил или вносил несущественные изменения в течение жизни. Иногда все же «внешние» обстоятельства становились неким вызовом для адаптации, но внимание опять-таки заслуживали не они сами по себе, а перемены, производимые ими в ближнем кругу. Эмоциональное дистанцирование, характеризующее его поведенческие стратегии в «общественной» сфере, распространялось и на официальные празднования. В воспоминаниях Теплоухова мы не находим описаний церковных праздников, посещения театра, кинематографа, цирка, иных публичных развлечений, характерных для эпохи модерна, единичны упоминания о государственных или городских торжествах. Несколько чаще возникают сюжеты о мероприятиях, организованных сослуживцами, в день профессионального праздника, по случаю приезда важных персон, получения чина, новой должности и др. Для представителей местного общества

эти приемы выражали взаимное уважение и являлись важной формой социальной активности [1, с. 10]. Они обязательно следовали определенному ритуалу, включающему угощение, поздравления, поднесение подарков, игру в карты, иногда танцы, пение, театральные постановки, фотографирование [4, с. 55, 66–67, 171]. Невысокая степень присвоения внешних институтов, вовлеченности в праздничный церемониал, отчужденность от коллег, выраженная в лаконичных, но емких характеристиках «со складом не сживался» [4, с. 171] акцизные «народ неподходящий» [4, с. 153], позволяли К.Н. Теплоухову в ходе торжеств сфокусироваться на любопытных случаях, деталях, собственных впечатлениях, репрезентируя живость и разноречивость эмоций празднующих:

«Каждый казенный склад, кроме общих праздников, имел еще свой, – в честь своего патрона. В этот день устраивали бал для рабочих [...] Контролер Лисовский... мнил себя артистом и поставил перед балом спектакль. Участвовал, конечно, он, кое-кто из его знакомых, два-три – «для слияния сословий» – из рабочих. Пьеса из крестьянской жизни с трагическими моментами: необыкновенная красавица... борьба двух поклонников... Я не бывал на репетициях и с любопытством смотрел. Шло гладко, но... героиня, «необыкновенная» красавица, была ужасна. Ее играла учительница Сурьянинова – немолодая, длинная, неуклюжая и такая безобразная, что все усилия гримировщика..., не смогли скрасить ее физиономии...» [4, с. 171].

Пространство семьи, близких друзей, личных увлечений предстает в воспоминаниях наполненным чувствами удовлетворения, благополучия и спокойствия. Характеризуя общую атмосферу близкого круга и переживания отдельных событий, автор очень конкретен в обозначении эмоций, не склонен к драматизации, тяготеет к упорядочению и рациональному объяснению происходящего. Эмоции в высокой модальности он нередко заменяет многоточиями, оттенки чувств или до конца неотрефлексированные чувства выражает метафорически либо иронично, используя элементы «высокого» стиля. Эти особенности эмоциональной репрезентации определялись, вероятно, не только личными склонностями переживающего, но и культурной средой модерна, в которой поворот к субъективизму, психологизму, большей свободе выражения чувств столкнулся с процессом формирования поколения носителей утилитарных ценностей, мыслящих и действующих рационально, ориентирующихся на материальное потребление, чувственному канону которых несвойственна чувствительность, их переживания скорее когнитивны. В своих мемуарах Теплоухов называет это поколение – «люди жизни» [4, с. 106], идентифицирует себя с ним, руководствуясь тем самым его эмоциональным режимом.

В палитре чувств К.Н. Теплоухова не было тревоги, неуверенности, разочарования, тоски, преобладающих в настроении эпохи модерна [2, с. 205], вера в собственные силы и личный успех, неустанная работа, нацеленная на обустройство личного пространства, ощущение относительной независимости от «внешних» обстоятельств, позволили ему создать вокруг себя «правильно» устроенный устойчивый мир, наполненный, в основном, положительными эмоциями. Материально этот мир воплотился в домохозяйстве, которое самостоятельно строилось и поддерживалось К.Н. Теплоуховым и членами его семьи. Подробно рассказывая о постройке, внутреннем убранстве дома, повседневных домашних делах, работе в огороде, создании мест для отдыха и любимых увлечений в саду [4, с. 56–57, 68, 78, 176 и др.], автор репрезентирует богатую гамму чувств – радости, спокойствия, удовлетворения, наслаждения комфортом, красотой, защищенностью и, одновременно, возбуждения от осознания новых возможностей современной науки и техники и горячего желания их использовать, чтобы «жить еще лучше» [4, с. 132].

В свободное от домашних дел время Теплоуховы играли в карты, крокет, занимались гимнастическими упражнениями, ремеслами. Технические новшества и развитие рынка досуговых товаров, материальный достаток семьи сделали доступными для них «современные» развлечения – фотографирование, катание на велосипеде, танцы под граммофон. Излюбленным же способом времяпрепровождения стали семейные путешествия по Южному Уралу, летний отдых за городом, прогулки на природе, пикники, охота и рыбалка. Такие празднования в «близком кругу» отличались эмоциональной насыщенностью: в их описании встречается несвойственное для мемуариста упоминание чувств в высокой модуляции – восторг, радость, веселье, наслаждение, восхищение красотами природы. При этом в опыте его праздничных переживаний сильным эмоциям увлечения, азарта, нетерпения, желания обладать чем-либо, сопутствовали рациональное стремление к познанию, любопытство, пытливый исследовательский интерес, а также размышления о финансовых вопросах:

«Загорелось желание приобрести велосипед... деньги на покупку были... Не долго думая, поехал в Екатеринбург,.. купил у торгового дома «Блок» американский легкодорожный «Кливленд» с деревянными ободами... На прииск я ездил на велосипеде, – 12 верст о хорошей дороге – Уфимскому тракту и 6 верст по проселочной – довольно плохой... Сделал такие наблюдения: если ни разу не слезать с велосипеда..., то ехал час с 3–5 минутами, а если на подъемах делать несколько сот шагов пешком, то 55–57 мин.» [4, с. 30, 46].

Менее ритуализированный характер семейных празднеств, слабый сознательный контроль над эмоциональной сферой в ходе этих действий позволяли их участникам преодолеть отчужденность человека от природы, ха-

рактерную для современной городской среды, проявить действительные эмоции, непосредственные естественные реакции [4, с. 62–63, 111–112, 182–183]. Отсюда стремление участников в момент празднования отделиться от «чужих» [4, с. 178, 183].

Таким образом, взгляд через призму «истории эмоций» на праздничные переживания провинциального горожанина эпохи модерна позволил убедиться в большей значимости для него семейных празднований и эмоциональной отстраненности от «общественных» мероприятий. Палитре чувств обывателя, определяемой личными склонностями и культурной средой модерна, не была свойственна сензитивность, его переживания скорее могут быть определены как когмоции.

Библиографический список

1. Минцлов, С.Р. Уфа: Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. / С.Р. Минцлов. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1992. – 176 с.
2. Стейнберг, М. Меланхолия Нового времени: дискурс о социальных эмоциях между двумя революциями / М. Стейнберг // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 203–226.
3. Суни, Р.Г. Аффективные сообщества: структура государства и нации в Российской империи / Р.Г. Суни // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 78–114.
4. Теплоухов, К.Н. Челябинские хроники: 1899–1924 гг. / К.Н. Теплоухов. – Челябинск: Книга, 2001. – 512 с.
5. Шахадат, Ш. Русская киномелодрама между Серебряным веком и авангардом / Ш. Шахадат // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций / Под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – С. 228–265.

[К содержанию](#)